

не могли не понимать, что отрицательный ответ на этот вопрос мог стоить жизни отвечающему. Однако Владимиров беспощадно продолжал свой риторический допрос: «Или яко и Христов же живописный образ за майстроту (мастерство, — *А. Р.*) иностранного художества ругательно в банях поставити велишь? Поистинне буйи и несмыслен явишися...» (46). Практически это означало, что протест против аристократической, основанной на западных образцах теории иконного «живописания» приравнивался здесь к политическому преступлению, направленному к оскорблению царского «величества».

В качестве решающего аргумента своего осудительного отношения к «плохим», как ему казалось, изображениям Христа Владимиров предлагал рассмотреть воображаемую им, но, очевидно, убедительную для современников придворную ситуацию, которая по существу своему была весьма далека от свободного обсуждения эстетических проблем. «Кая бо от сего честь, — писал он, — земному царю, егда бы кто от неискусства или невежеский образ его неистовым лицом написал...? Не принял ли бы таковой вместо мзды мучение много...? Небеснаго ж царя образ ни мало разсмотрив, приемлем...» (41).

Восхваление царя и его «вельмож» средствами «живописания» привлекалось как важнейший критерий к обсуждению вопроса о писании икон, потому что такая идейная позиция придворных идеологов неизбежно определяла социальный характер всей их эстетической программы. Взгляды Аввакума, как известно, отличались противоположной направленностью. Если феодальные идеологи подобострастно стремились сопоставить «образ» царя «земного» с «образом» Христа, то Аввакум, напротив, смело заявлял, что царь Алексей Михайлович «восхотел бог быти, и не бысть».³⁵ Его острая критика развивающегося в эту эпоху русского абсолютизма была ориентирована прежде всего на полное развенчание личности царя — «отщепенца» (823), «дурачища» (469), которого автору хотелось бы «шелепами (вид плети, — *А. Р.*) медянными попарить».³⁶ Укрепление авторитета «начальств», насаждаемое придворными идеологами, встречало дерзкий вызов со стороны Аввакума: «Никово не боюся, ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самаго!».³⁷

Феодальные идеологи в своем стремлении воспеть «хвалоу» русскому царю обращались к иностранным образцам портретов «земных царей». Аввакум прямо упрекал царя (не в сфере изобразительного искусства) в подражании иноземному, в утрате национального достоинства. «Плюнь на них! — убеждал он царя. — Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах» (475). Обличая князей церкви как раз в связи с вопросом об иконописи, Аввакум подчеркивал национальный характер своей проповеди: «...митрополиты, архиепископы, никонияна... другия немцы руския. Святых образы изменили...» (292); они и одежду свою «возделали странно, по немецки...».³⁸

Опора на авторитет иностранцев в спорных вопросах приобретала для феодальных идеологов особое значение, потому что при помощи мнений иностранцев им легче было противостоять национально-демократическим воззрениям своих противников. Владимиров подчеркивал всю постыдность, как ему представлялось, для русской иконописи наличия отрицательных мнений иностранцев о ней. «Зазирают нам языцы, —

³⁵ ГИХЛ, стр. 279.

³⁶ В. И. Малышев, стр. 420.

³⁷ См. подробнее: А. Н. Робинсон. *Жизнеописания*, стр. 29—37.

³⁸ В. И. Малышев, стр. 420.